

Глава 5

Старуха Ван нахмурилась. Отставив миску, она поспешно обулась и выскочила во двор. Перед самыми воротами, прямо в пыли, сидел её второй сын — вылитый попрошайка — и, хлопая себя по бедрам, завывал на всю округу.

— Ван Ин! Ты что это удумал, паршивец?!

— Ой, матушка! — заголосил он еще громче. — Семья Чэнь совсем житья не дает! За людей меня не считают! Не могу я там больше оставаться, моченьки моей нет!

Его вопли были столь истошными, что окрестные соседи один за другим стали выглядывать из-за заборов.

— Ин-эр, что с тобой стряслось-то? — с любопытством спросил кто-то из толпы.

— Да вот, с утра съел лишний кусок, так свекровь в волосы вцепилась и давай по лицу хлестать! — юноша для убедительности ткнул языком в щеку, выпячивая её. — Смотрите, до сих пор всё опухшее!

Из-за размазанной по лицу грязи разобрать что-либо было невозможно, но зевакам того и не требовалось — они с готовностью заохали.

— Батюшки, да как же можно так над человеком измываться?

Старая госпожа Ван, помрачнев, процедила сквозь зубы:

— А ну живо в дом! Что за мода — на пороге сырость разводить?

Вспомнив вчерашнюю щедрость Чэней, она надеялась было и дальше кормиться за их счет, но теперь её пыл заметно поутих.

Однако тот и не думал вставать. Продолжая сидеть в пыли, он причитал:

— А старший сын их, видать, не жилец вовсе! Вчера замуж выдали, а до брачного ложа дело так и не дошло! Коли помрет он, свекровь меня в четырех стенах закроет вековуху коротать! Матушка, что же мне делать?

— А я-то что сделаю? — отрезала старуха. — Гэ'эр замужний — что вода пролитая: теперь ты чужой человек, их и слушайся.

— Матушка, верните им деньги! Не хочу я там больше быть! — Ван Ин зарыдал навзрыд, будто сердце его разрывалось от горя.

Он прекрасно знал повадки своих родителей: эти двое скорее удавятся, чем вернут хоть медный грош. Весь этот спектакль он затеял лишь с одной целью — раз и навсегда отбить у них охоту являться к нему с протянутой рукой.

Старуха Ван, теряя терпение, схватила его за плечо и прошипела в самое ухо:

— А ну брысь в комнату! Еще хоть раз пикнешь — шкуру спущу!

Ван Ин невольно вздрогнул. Это не было игрой — само тело, помнившее годы побоев, отозвалось привычным ужасом. Даже с новой душой внутри, услышав эту угрозу, он ощутил леденящий страх.

В прежние времена его предшественник уже давно бы покорно поплелся за матерью, но теперь в этой оболочке жил совсем другой человек.

— Все мы от одной матери рождены! — выкрикнул он, намеренно повышая голос, чтобы слышали все соседи. — Почему же вы брата да младшенького балуете, а меня так люто ненавидите? Или я вам не родной, а приبلудный?!

Этот вопрос он хотел задать за того, прежнего мальчика. Как могло случиться, что родная мать так выделяла одних и презирала другого только из-за его пола?

Слова сына подействовали на старуху Ван как искра на сухой порох.

— Тьфу! — яростно сплюнула она. — Ты с самого рождения мне жизнь портишь! То, что я тебя до таких лет вырастила — уже милость великая! Знала бы, что ты таким никчемным вырастешь, в тот же день в помойном ведре утопила бы!

А корень этой ненависти таился в событиях девятнадцатилетней давности. Когда та была беременна вторым сыном, мимо их дома проходил старый даос и попросил напиток. Госпожа Ван, женщина злая и прижимистая, не только воды не дала, но еще и обругала старика шарлатаном.

Даос, оскорбленный до глубины души, в сердцах выкрикнул ей в лицо:

— Ах ты, ведьма зловредная! Носишь под сердцем отродье ни мужского, ни женского рода, что всю жизнь тебе изгадит и в могилу сведет!

Госпожа Ван тогда прогнала его метлой, но слова старика занозой засели в её черном сердце.

И надо же было такому случиться, что роды вышли тяжелыми — мучилась она сутки напролет, пока не родился маленький Ван Ин. Повитуха тогда только руками всплеснула: «Гэ'эр родился».

Мать чуть чувств не лишилась от злобы. Если бы не старая бабка Ван, что была тогда еще жива, мальчика и впрямь могли утопить во младенчестве. Но бабка вскоре преставилась, и защищать ребенка стало некому. Нелюбимый, вечно обделенный лаской, он долгие годы тянул лямку в этом доме, терпя нужду и побои.

Выслушав эту тираду, Ван Ин почувствовал, как дрожь в теле утихает. В этот миг прежний хозяин оболочки, должно быть, окончательно покинул этот мир.

В душе образовалась странная пустота. Юноша невольно вспомнил своих родителей из прошлой жизни. Те не были столь жестоки, но разве была между ними разница? Родили и бросили на попечение дряхлых стариков, ни разу не исполнив своего долга.

Он помнил, как однажды на летних каникулах бабушка отправила его к отцу в надежде наладить их отношения. Приехав, он обнаружил, что у того уже давно новая семья и другие дети. Глядя на их уютное счастье, Ван Ин чувствовал себя случайным прохожим, лишним гостем на чужом празднике.

Он хотел назвать его отцом, но язык не поворачивался, а в ответ слышал лишь упреки, что растет неблагодарным и нелюдимым. Спустя три дня его отправили обратно — только потому, что младший брат порвал его тетрадь, а он посмел прикрикнуть на него.

С тех пор он больше никогда не искал их общества. Прошлое пронеслось перед глазами яркой вспышкой. Юноша думал, что давно всё забыл и простил, но сейчас, столкнувшись с той же несправедливостью, ощутил, как внутри закипает дремавшая годами ярость.

— Значит, слова какого-то бродяги стали для вас важнее родной крови? — в гневе бросил он. — Раз вы мне не мать, то и мне незачем почитать вас!

Он обернулся к толпе зевак:

— Дядюшки, тетушки, вы люди мудрые, рассудите нас! Неужто я неблагодарный сын или это они край перешли? С шести лет я на всю ораву готовил! Ростом ниже печи был, на табурет вставал, чтоб до котла дотянуться! А как руку обварил, так матушка вместо жалости меня неумехой обозвала и три дня голодом морила — траву жевал, чтоб не сгинуть!

— А в восемь в поле выгнали! — продолжал он, не давая матери вставить слова. — Как скотину гоняли, в жару и глотка воды не давали! Как сознание потерял прямо в борозде, так только дядя Эрхай меня на руках до дому донес!

Стоявший в толпе Ван Эрхай согласно закивал:

— Было такое, было... Жалко мне тогда пацана стало, совсем извели его.

— Зимой у братьев обновки были, а у меня — ни одежды теплой, ни сапог! Ютился у печки, чтоб хоть немного согреться, а руки и ноги от холода гнили так, что выть хотелось! — Ван Ин выкладывал обиду за обидой, заставляя соседей сокрушенно качать головами.

— Да как же так? — зашептались в толпе. — Разве ж это родители?

— И то верно, даже зверь лесной своих волчат не трогает, а тут — хуже скотины!

— Каким бы ни родился, всё ж своя кровиночка, за что ж так лютовать?

В разгар спора с поля вернулись Ван Лаошуань со старшим сыном. Услышав, какими словами их честит вся деревня, оба густо покраснели и не знали, куда глаза деть.

Ван Ин, завидев, что все в сборе, твердо произнес:

— Знаю я, что денег вы не вернете, да и в доме этом мне места нет. Посему предлагаю сегодня же всё закончить.

— Да что ты несешь?! Чего тебе еще надобно? — злобно выкрикнула госпожа Ван.

— Пусть добрые люди свидетелями будут. Пойдемте к личжэну, составим акт о разрыве родства. С этого дня я, Ван Ин, вам более не сын и не брат! И впредь — ни в болезни, ни в здравии, ни в смерти знать вас не желаю!

Старуха Ван яростно сплюнула:

— Да и катись на все четыре стороны! Посмотрим, сколько ты у Чэней продержишься без защиты родного дома!

Ван Ин лишь холодно усмехнулся:

— Даже если там будет худо, это всё одно лучше, чем в ледяной реке топиться.

На том и порешили — кровные узы были разрублены окончательно.

Семья Ван, посоветовавшись, решила, что так даже лучше: бумагу подпишут, и претензий к ним

больше не будет. А если молодой господин Чэнь вдруг отдаст концы, так с них и взятки гладки — деньги возвращать не придется.

Всей толпой отправились к дому личжэна. Тот, выслушав обе стороны, для порядка попытался их помирить, но, видя, что дело зашло слишком далеко, вздохнул и взялся за кисть, чтобы составить отпускную.

Ван Ин внимательно перечитал текст акта об отречении. Убедившись, что всё составлено верно, он прижал палец к подушечке с тушью и поставил жирный оттиск. Теперь он был свободен. Отныне никакие законы не могли обязать его помогать этой семье.

Когда они вышли от старейшины, навстречу им как раз выехала телега дяди Чэня. Старик, не дождавшись возвращения Ван Ина, не выдержал и поехал его искать.

Увидев взлохмаченного, перепачканного грязью юношу, он так и замер:

— Молодой господин, да что же это делается? Кто вас так?

— Всё в порядке, дядюшка. Едем отсюда, — бросил Ван Ин и под ошеломленными взглядами деревенских ловко заскочил в повозку.

***

Уже в дороге юноша достал заветную бумагу и дважды перечитал её, не в силах сдержать довольной улыбки.

Кто бы мог подумать, что отделаться от семейки Ванов окажется так просто! Он-то настраивался на долгую и нудную грызню, а всё решилось за один присест. Что ни говори, а актерский талант у него отменный!

Дядя Чэнь то и дело украдкой поглядывал на пассажира, пока, наконец, не решился спросить:

— Молодой господин... Расскажите всё же, что случилось? Вид у вас, прямо скажем, пугающий.

— Эх, дядюшка, это долгая история, — Ван Ин подсел поближе к вознице и принялся в красках расписывать ему жизнь своего предшественника.

Старый слуга, хоть и повидал на своем веку всякого, был искренне потрясен услышанным. Теперь он смотрел на собеседника с нескрываемой жалостью. У самого дяди Чэня было двое гэ'эров, оба уже давно замужем, но он всегда считал их своими детьми и любил не меньше сыновей. Как можно было так истязать родную кровь?

«Надо будет господину шепнуть по возвращении, — решил он про себя. — Пусть будет поласковее с беднягой»

К тому времени, как они добрались до городка, солнце уже клонилось к закату. Ван Ин, не вставший с самого утра, чувствовал, как желудок готов прилипнуть к позвоночнику. Стоило им въехать во двор, как к нему подошла служанка госпожи Ли и передала приглашение на ужин в главный дом.

— Я только одежду сменю и сразу приду.

Служанка окинула его грязный наряд недоуменным взглядом, но лишь молча кивнула.

В спальне Чэнь Цинъянь всё так же лежал на кровати — бледный, застывший, будто изваяние. Он бросил на вошедшего мимоletный взгляд и снова уткнулся в книгу.

Ван Ин принялся развязывать свой узелок. На нем всё еще было вчерашнее свадебное одеяние, и он намеревался переодеться в свое старое тряпье, чтобы постирать наряд. Однако, обыскав все углы, юноша так и не нашел своего свертка.

— Послушай, ты не видел мои вещи?

— Какие еще вещи?

— Маленький такой сверток, я вчера с ним пришел. Там моя одежда.

— Я велел дяде Чэню выбросить этот хлам, — невозмутимо отозвался Цинъянь.

— Выбросить?! — Ван Ин едва не задохнулся от возмущения. — Да это же всё, что у меня было!

Чэнь Цинъянь смущенно кашлянул в кулак. Он-то принял этот узелок за кучу грязных тряпок для мытья полов.

— В шкафу лежат мои новые наряды, я их еще не надевал. Выбирай любой.

Услышав это, Ван Ин мгновенно сменил гнев на милость. Сложив руки в шутливом поклоне, он просиял:

— Премного благодарен, муженек!

Его супруг от такого обращения вспыхнул до самых корней волос. Презрительно фыркнув, он сильнее уткнулся в трактат, но глаза его сами собой то и дело косились в сторону Ван Ина.

«Почему он весь в грязи? И волосы растрепаны... Глаза красные, будто плакал. Неужто дома обидели?»

Цинъянь уже решил, что непременно расспросит дядю Чэня, как вдруг заметил, что Ван Ин всю стягивает с себя верхнее одеяние, затем нижнюю рубаху и уже берется за завязки штанов...

— Стой! Ты... ты что творишь?!

Юноша, прикидывая к плечу темно-синий халат, обернулся:

— Ты же сам сказал — выбирай любой. Как думаешь, мне этот пойдет? Не слишком мрачно?

— Бесстыдник! А ну оденься сейчас же!

Ван Ин окинул взглядом свою крепкую грудь и лишь плечами пожал:

— Чего ты всполошился? У нас с тобой всё одинаковое, чего я там не видел?

— Вон! Убирайся отсюда!

<http://bllate.org/book/15812/1422712>